

УДК 351.852(470.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.23

Б. Н. Ковалев

**«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» НОВГОРОДСКИХ МУЗЕЕВ
(БОРИС ШЕВЯКОВ, НИКОЛАЙ ПОРФИРИДОВ,
ВАСИЛИЙ ПОНОМАРЕВ И ДРУГИЕ...)**

Аннотация. В Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится многотомное дело 1933 г. «Контрреволюционная организация “Российское студенческое христианское движение” – филиал белоэмигрантской организации РСХД». Его неофициальное название – «Дело новгородского музея». Это важный источник по истории новгородских музеев после революции 1917 года. Его рассекречивание только началось. В представленном материале впервые приводятся показания некоторых обвиняемых, в частности, Бориса Шевякова и Николая Порфиридова.

Ключевые слова: 30-е годы XX века, Политические репрессии, уголовное дело как исторический источник, Новгородские музеи, сотрудники музеев, Борис Шевяков, Николай Порфиридов, Василий Пономарев.

Abstract. The FSB archive in Saint Petersburg holds the multivolume case of 1933 which contains documents about the counter-revolutionary organization “The Russian Student Christian Movement”, a branch of the White émigré Student Christian Movement. This case is unofficially called “The Case of the Novgorod Museum”. It is an important source on the history of Novgorod museums after the 1917 revolution. Its declassification has just begun. The article introduces into scholarly discourse the analysis of the testimony of the accused, in particular, Boris Shevyakov and Nikolai Porfiridov.

Keywords: 1930s, political repressions, criminal case, Novgorod museums, museum employees.

Разрушения I Мировой войны не затронули Великий Новгород. Ему также повезло и во время Гражданской войны – боевые действия обошли его стороной. Определенный ущерб был нанесен его памятникам (в первую очередь церквям) в условиях борьбы с религией в конце 20-х–30-х годов прошлого века. Однако все это теряется на фоне тех разрушений, которые принесли 40-е годы: война, гитлеровская оккупация, преступные действия немцев и их союзников.

Далеко не все экспонаты новгородских музеев удалось эвакуировать в советский тыл в 1941 году. Одной из причин этого можно назвать нехватку профессиональных кадров, которая была вызвана, в том числе, политическими репрессиями предыдущего десятилетия.

20-е годы XX века в нашей стране можно считать временем относительного плюрализма. НЭП (Новая экономическая политика. 1921–1928 гг.) предполагала многоукладность экономики, в том числе разрешалась и частная собственность. «Годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства» И. В. Сталин назвал 1929 год (Правда, 1929).

Юридически НЭП был прекращён 11 октября 1931 года, когда было принято постановление о полном запрете частной торговли в СССР. При этом, радикальные изменения стали происходить не только в экономике, но и в культуре, искусстве и, в частности, в музейном деле.

Новгородская губерния была образована в 1727 году. Ровно через 200 лет, в 1927 г., в рамках административно-территориальной реформы, проводимой в Советском Союзе, она была ликвидирована. Новгород на протяжении двух лет являлся центром Новгородского округа Ленинградской области, а после ликвидации округов, в 1930 г., – ее районным центром.

Отсутствие крупной промышленности и планов по её развитию делали город, с точки зрения центральных властей, непривлекательным и бесперспективным. Его историко-туристический потенциал тогда властями серьезно не рассматривался, хотя здесь функционировало несколько музеев. Например, в Софийском соборе XI века находился Антирелигиозный музей. В этих научно-образовательных учреждениях работали специалисты, получившие образование как до 1917 года, так и после него, как профессионально относившиеся к своей деятельности, так и не считающие музейное дело чем-то важным и необходимым.

В Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится многотомное дело 1933 г. «Контрреволюционная организация “Российское студенческое христианское движение” – филиал белоэмигрантской организации РСХД». Его неофициальное название – «Дело новгородского музея». Для Новгорода оно является, своего рода, аналогом ленинградского «Академического дела» 1929–1931 гг.

Данное дело было сфабриковано ОГПУ в Ленинграде, где тогда находилась Академия наук, против группы ученых и краеведов. Поводом к его началу послужил провал на выборах новых членов Академии трех кандидатов-коммунистов. Всего в 1929–1930 гг. по этому делу были арестованы свыше 100 человек. Среди них были, в первую очередь, ученые-гуманитарии, такие как С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачёв. Реабилитация осужденных по «Академическому делу» завершилась лишь в 1967 г.

Но если «Дело академиков» уже введено исследователями в научный оборот, то процесс рассекречивания «Дела новгородского музея» на настоящий момент (2020 год) еще далек от завершения. Кроме этого, большой объем имеющихся документов не позволяет представить их в рамках одной публикации. Поэтому Автор статьи решил остановиться на материалах, связанных в первую очередь с его тремя фигурантами: Борисом Шевяковым, Василием Пономарёвым и Николаем Порфиридовым.

Наибольший интерес в документах дела представляет как видение ими состояния музейной работы в Новгороде в начале 30-х годов XX века, так и идеи, связанные с его дальнейшим развитием, причем их высказывали люди, находящиеся под арестом.

Согласно обвинительному заключению из данного дела (лето 1932 г.), «на основе установок заграничного центра РСХД Ленинградское РСХД поставило перед собой следующую задачу: расширение деятельности за пределы города Ленинграда. Первым пунктом организации ячейки РСХД был намечен город Новгород, где среди научных работников Новгородских музеев была для этого питательная почва» (АУФСБСБЛО. Д. П-66878. Т. 1. Л. 2).

Всего по делу Новгородского филиала РСХД проходило 12 человек. Большинство из них являлись работниками местных музеев. Их обвиняли по 58-й статье УК РСФСР в «контрреволюционной деятельности»: «...антисоветская организация противодействия антирелигиозной работе, охрана неприкосновенности церквей и бывших помещичьих усадеб под предлогом, что они имеют художественно-историческую ценность, в целях сохранения их в расчёте на реставрацию монархического строя.

В музейной работе протаскивались религиозно-идеологические установки, велась систематическая контрреволюционная агитация против коллективизации» (АУФСБСБЛО. Д. П-66878. Т. 1. Л. 28).

Допросы проходили в Новгороде. Известный новгородский толстовец Владимир Молочников в своем дневнике так отозвался о следователе ОГПУ Будякине, который вел дело новгородских музейных работников: «Человек резкий, дерзкий до наглости» (Из тайников спецхранов 1991. С. 44).

Через два года толстовец сам познакомится с ним в качестве обвиняемого.

В качестве первого подозреваемого назывался Борис Шевяков. Что же представляла анкета арестованного?

«Фамилия – Шевяков.

Имя. Отчество. – Борис Владимирович

Время и место рождения – 2 января 1908 г. Город Ленинград (именно так в анкете. – Б. К.)

Постоянное проживание – г. Новгород, Кремль. Музей Никитский Корпус.

Место службы и должность – Новгородский Государственный музей, научный сотрудник.

Профсоюзная принадлежность – член профсоюза работников Просвещения.

Имущественное положение в момент ареста объекта – неимущий.

Имущественное положение до 1929 года – неимущий.

Имущественное положение до 1917 года – неимущий.

Социальное положение в момент ареста – служащий.

Служба в царской армии и чин – нет.

Служба в белой армии и чин – нет.

Служба в Красной Армии – нет.

Социальное происхождение – сын профессора.

Политическое прошлое – нет.

Национальность и гражданство – русский, СССР.

Партийная принадлежность – беспартийный.

Образование высшее.

Что окончил – Институт истории искусств.

Категория воинского учёта – состоял на воинском учёте в Новгородском военкомате.

Состояние перед судом и следствием – нет.

Состояние здоровья – порок сердца.

Состав членов семьи.

Мать – Шевякова, пенсионерка. Жена, дочь, брат» (АУФСБСББЛО. Д. П-66878. Т. 1. Л. 2).

Одним из фактических защитников Бориса Шевякова стал его коллега, также арестованный по этому делу, Николай Порфиридов. Необходимо понять, что любые положительные оценки в адрес человека, обвиняемого в государственном преступлении, могли рассматриваться органами государственной безопасности как соучастие во враждебной деятельности.

«Шевяков служит у нас с 1930 года. Поступил в музей при Б. М. Баранове по рекомендации Глебова, бывшего сотрудника, переехавшего в Ленинград. Работник он технически подготовленный, очень напористый и деловой. Политических уклонов в работе выставочной, научной, музейно-экспозиционной я за ним никогда не замечал.

Учитывая некоторые замечания, иронический тон Бориса при каких-то газетных сообщениях, я пытался перевести с ним разговор на более серьёзный лад. Не знаю, вполне ли искренне Шевяков выражал уверенность в победе социалистического строя. Пытался следить, ходит ли он к церковным службам, но не проследил, думаю, что в первый год бывал» (АУФСБСББЛО. Д. П-66878. Т. 5. Л. 9).

По мнению Порфиридова, Борис Шевяков являлся профессионалом своего дела, ответственно и творчески относившимся к порученным ему заданиям, связанным с организацией работы музея. «План работы, подготовленный Шевяковым, сам по себе правилен. Единственным недостатком является чрезвычайное обилие материала, доходящее до перегруженности. Все это требуется чётко разделить на темы и цик-

лы (как вёрстка газетного листа). Без этого материал развёртывается сплошным ковром, заголовки пропадают, внимание быстро пропадает» (АУФСБСБЛО. Д. П-66878. Т. 5. Л. 9 об.).

Екатерина Варфоломеевна Дьяконова¹ училась вместе с Шевяковым в Ленинграде. Для своего коллеги она также нашла немало добрых слов: «Шевякова Бориса Владимировича знаю лучше других, так как знакома с ним давно. Никогда в его поведении не замечала никаких антисоветских высказываний и считаю его общественно полезным работником. Его наработки в музее, поскольку я с ними ознакомилась, представляются мне чрезвычайно ценными. Марксистскими методами работы он, как кажется, овладел не вполне, но стремился пополнить замеченные им пробелы» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 1. Л. 70).

В протоколах допросов встречаются фамилии хорошо известных тогда людей: художников, врачей. Судя по показаниям матери Бориса, Лидии Александровны Шевяковой, они согласились сохранить у себя его книги и вещи. «После ареста моего сына я абсолютное большинство имеющихся у него вещей, в том числе и литературу, принадлежащую моему сыну, отправила на хранение в г. Ленинград своему хорошему знакомому художнику Ленинградского Географического музея Лебединскому Борису Ивановичу². Литература мной была послана на хранение Лебединскому, чтобы её сохранить во избежание возможной конфискации.

В Ленинграде имеется на хранении литература моего сына Шевякова Бориса Владимировича у Чистовича Фёдора Яковлевича³ – профессора Ленинградского Института усовершенствования врачей, проживающего в Ленинграде на Петроградской набережной» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 1. Л. 128).

Согласно материалам дела Бориса Шевякова, еще летом 1932 г. «Б. В. Шевяков, работавший в Новгородском краеведческом музее, человек, настроенный антисоветски и враждебно относящийся к политике партии и советской власти, по предложению ленинградского эmissара должен был явиться организатором и создателем Новгородского филиала РСХД» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 1. Л. 3).

Для советских органов Шевяков был не просто «бывшим». В протоколах показаний особо подчеркивалось, что его отец до революции

¹ Дьяконова Екатерина Варфоломеевна (1908–?) Искусствовед, музейный работник. С 1929 по 1932 г. директор Кирилловского музея.

² Лебединский Борис Иванович (1891–1972). Советский художник. В апреле 1933 года был осужден по ст. 58-10 и 11 УК и приговорен к пяти годам заключения за хранение антисоветской литературы Бориса Шевякова. После года заключения на Соловках условно-досрочно освобожден и отправлен в ссылку в Старую Руссу.

³ Чистович Фёдор Яковлевич (1870–1942). Врач-патологоанатом, профессор, ректор Первого Ленинградского медицинского института. Умер в эвакуации в Сибири, пережив первую блокадную зиму в Ленинграде.

«был Товарищ (т. е. заместитель. – Б. К.) министра народного просвещения при министре Кассо и Игнатъеве и, возможно, при временном правительстве. В Колчаковском правительстве также принимал активное участие, являясь членом Колчаковского правительства, будучи членом Сената» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 1. Л. 112).

Однако здесь нет упоминаний о том, что выдающийся зоолог Владимир Тимофеевич Шевяков скончался в Советском Союзе в 1930 году, являясь профессором Иркутского университета. При его непосредственном участии было открыто немало новых школ и училищ в разных концах России. Организация и открытие Пермского университета в 1916 г. была непосредственной заслугой профессора Владимира Шевякова, члена-корреспондента Российской Академии Наук. Но эти заслуги перед страной уже никак не могли помочь его сыну.

Что бросается в глаза при чтении материалов дела, так это то, что Шевяков ведёт себя достаточно смело. Время «большого террора» еще не наступило, была надежда на объективное рассмотрение его судьбы. Он категорически отвергает утверждения, что получал какие-то инструкции из-за границы, но при этом он не отрицает своего антисемитизма. По его мнению, евреи с их изворотливостью и беспринципностью, виноваты во многих проблемах России. Он сразу же признал, что «совместно с другой литературой хранил у себя нелегальную книгу “Протоколы Сионских мудрецов”, которую давал читать разным людям» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 1. Л. 122).

Уже во время Великой Отечественной войны в оккупированной гитлеровцами Риге его бывший коллега Василий Пономарев так напишет о поведении Шевякова в самом начале 30-х годов, во время закрытия новгородских храмов: «С тяжелым сердцем проходим сквозь строй озлобленных взглядов. Их особенно привлекает один из сотрудников музея, смуглый худощавый брюнет южного типа, чем-то напоминающий еврея.

– Жид проклятый, – улавливается шёпот вслед.

Поднимаясь на лестницу, брюнет, яркий юдофоб, довольно усмеяется:

– Люблю слышать подобные приветствия!

Вот бы взялись мужички за ум, да и вздули нас хорошенько, металлаломозцев, да, заодно и академических звукозаписывателей, – продолжал он» (Для всех. 1944. С. 19).

В воспоминаниях Н. Г. Порфиридова, как одного из руководителей музейной работы в Новгороде в 20-х – начале 30-х гг. (они были опубликованы в сокращенном варианте в 1987 г.), есть немало мест, посвященных практической работе по спасению древнерусских святынь. «Особую гордость Губмузея составил проведенный им специальный учет колоколов по всем монастырям и церквям. Были переписаны все без исключения колокола, списаны все надписи на них, зарисованы

изображения и орнаменты, вычислен их вес. Регистрация колоколов составила большой том» (Порфиридов Н. Г., 1997. С. 113).

Но эта титаническая работа в значительной степени оказалась использована против самих же музейных работников. В вынужденных показаниях Б. В. Шевякова это стало трактоваться следующим образом: «Во время моего пребывания в городе Новгороде в качестве заведующего музеем мне приходилось несколько раз выступать перед местной властью о разрушении церковей и снятии колоколов с Юрьевского монастыря, вследствие чего эти мероприятия были не осуществлены, и церковники видели во мне опору» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 1. Л. 112).

В немалой степени претензии к сотрудникам новгородских музеев со стороны властей заключались в их «неправильном» социальном происхождении: из дворян, из священнослужителей, купцов и т. д. Не был исключением и Николай Порфиридов. Что несколько необычно, первым пунктом на анкете арестованного стоит помета «Во время ареста у Порфиридова Николая Григорьевича опечатан шкаф с книгами» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 3).

Из его анкеты следует:

«Фамилия – Порфиридов.

Имя – Николай.

Отчество – Григорьевич.

Возраст – 34 года. Родился 1893 год 21 мая.

Проживание – село Замощье Новгородского района.

Социальное происхождение духовное. Отец умер в 1908 году.

Постоянное место жительства – г. Новгород.

Гражданство – СССР.

Национальность – русский.

Образование – высшее.

Материально-имущественное положение – неимущий.

До 1929 г. – неимущий.

До 1917 г. – неимущий.

Партийная принадлежность – беспартийный.

Состав семьи – жена – Порфиридова Мария Гавриловна 36 лет, учительница. Место службы – музей.

Категория воинского учёта – снят с учёта по состоянию здоровья.

В старой армии – нет.

В белой армии – нет.

В полиции – нет.

В партизанских отрядах – нет.

Заграницей – нет.

Привлекался к судебной ответственности – нет.

Арестован 24 января 1933 г. Новгородским ОГПУ.

Допрошен пять раз тов. Будякиным.

Объявлено обвинение по ст. 58-11.

Место жительства перед арестом – Кремль» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 4).

Протокол допроса оформлен как в первом, так и в третьем лице. Его оформил следователь. «Начал учиться в сельской школе. Закончил таковую в 1904–1905 году, после чего пошёл учиться в Новгородскую духовную семинарию, где учился до 1913 года. Потом перешёл учиться в Духовную академию, где учился с 1915 года до 1917 года, и одновременно состоял студентом археологического института, который закончил на год позднее Академии, в 1918 году.

Окончив учёбу, приехал в Новгород, где ему было предложено работать в Губоно. Также он числился членом коллегии Губоно, а после поручили заведовать отделом музеев, где и работал до 1927 года. В 1927 г. меня перевели на работу в музей заведующим художественным музеем и одновременно председателем правления музеев с 1931 года.

С заведующим Новгородским Историческим музеем общаюсь ежедневно по нашей совместной работе.

Записано правильно с моих слов» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 6 об.).

Особый интерес представляют показания Порфиридова о коллегах – работниках музея. Ведь при допросе ему было необходимо, с одной стороны, не обманывать следователя (подобное могло навредить и самому допрашиваемому, и тому, о ком он говорил), а с другой – не дать информации, которая в дальнейшем использовалась бы в качестве обвинения.

«Смирнов⁴ – самый старый здесь, с 1920 года. Работник не сильный, методически не очень подкованный. Старая школа ему дала, а упорная самостоятельная работа над собой, видимо, не проводилась. Чёткое овладение методом марксизма-ленинизма по совести не вижу. Что касается идеологии, имеется чувство – недостаточно перестроившийся человек, как многие интеллигенты.

Антисоветских выступлений не знаю, но обывательские «хлебные» разговорчики заявлял. Обращаю его внимание, почему он не проводит атеистических лекций, не водит антирелигиозные экскурсии. Он это мотивирует – не владеет материалом. Жена, видимо, ещё не порвала с религией. Дома есть иконы» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 9).

Кроме лиц, получивших образование еще до революции, среди музейных работников имелись и выпускники советской высшей школы. Одним из них являлся директор Антирелигиозного музея Василий Пономарев⁵. Однако, по словам Порфиридова, он явно тяготился этой ра-

⁴ Смирнов Сергей Михайлович (1892–1992) – новгородский историк, археолог. В 1918 году директор Новгородского исторического музея. С 1928 г. председатель Новгородского общества любителей древности.

⁵ Пономарев Василий Сергеевич (1907–1978) – новгородский историк, археолог. Директор антирелигиозного музея.

ботой: «Пономарёва в прошлом году прислали на работу в Антирелигиозный музей из Лили⁶ (Ленинградский университет).

Вопреки, может быть, видимости работник теоретически к работе подготовлен. Что более важно, пожалуй, лучше других владеет марксизмом. К сожалению, больше в другой области (археология, раскопки), а не столько в той, в которой непосредственно пришлось работать» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 9).

По мнению Николая Порфиридова Василий Пономарев находился явно не на своем месте: «По антирелигиозному музею шёл с подстёгиванием и немного выправился в последнее время. Самое главное для работника антирелигиозного музея быть не только грамотным, но и убеждённым безбожником. Такой ли Пономарёв? Лично я за ним этого не замечал, тем более связи с попами. Но повторяю, никакой активности, какой хотелось бы получить от сотрудников антирелигиозного музея, такого я за ним не видел. Пономарёва рекомендовалось сохранить экскурсоводом. В такой работе его вполне одобрили обследователи Союза воинствующих безбожников Ленинградского государственного антирелигиозного музея. Он вполне овладел этим» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 9).

Затронул Порфиридов и внешний вид руководителя антирелигиозного музея: «Отдельным является вопрос о его внешнем виде, о котором мы говорили неоднократно количество раз и в серьёзном, и в шутовском тоне. Так появились вопросы: “Не поп ли работает у вас в музее?”. Пономарёв отличался своим видом. Я предлагал даже административным приказом сбрить ему бороду. Неряха он большой» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 9).

Екатерина Дьяконова также получила образование уже при советской власти. Порфиридов оценивал ее весьма высоко: «Самая последняя по времени поступления работница. Рекомендовал её Шевяков. Эту работницу я знаю хорошо. Производит впечатление вполне советского человека и по приёмам и по настроению. В частности, учитывая её знания, просил её помогать Пономарёву организовывать выставки в антирелигиозном музее, что она и делала» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 9).

На допросе Порфиридов еще до конца не осознает, где он находится. Ему явно кажется, что произошла какая-то досадная ошибка и его скоро отпустят на свободу. В своих показаниях он анализирует проблемы, стоявшие тогда перед новгородскими музеями.

«Теперь о недостатках отдельных музеев, обусловленных как личными качествами работников, так и объективными причинами. Надо сказать, что не специалистами, т. е. людьми, не связанными специально с музейно-экспозиционной работой, они часто понимаются неправильно

⁶ Ленинградский историко-лингвистический институт.

но. Так за хорошее принимается то, что уже не отвечает требованиям научно-марксистского построения и, наоборот, в этом скрываются, может быть, невольные, старые, привычные взгляды.

В сложной музейной работе нет ещё той исчерпывающей инструкции, какая, например, внесена в области школьной работы последними Постановлениями ЦК о программах, режиме в школе и т. п.» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 10).

Особую обеспокоенность вызывала работа исторического музея. Сложность ситуации заключалась в том, что в экспозиции предполагалось уделять особое внимание классовой борьбе и революционному движению, особенно в конце XIX – начале XX века. Нехватка материала вела к тому, что появлялись стенды, на которых были представлены в качестве героев революции обыкновенные фальсификаторы и авантюристы⁷.

В своих показаниях Порфиридов замалчивает этот факт. Он оценивает ситуацию следующим образом: «Исторический музей. После революции он несколько раз перестраивался. Вот структура, которая есть теперь: отдел первобытного доклассового общества, затем феодализм, расчленённый на три подотдела: экономический базис, общество и классы, искусство как вид идеологии, для своего времени был весьма неплохим (29–30 гг.) и на взгляд неспециалиста таким он кажется и теперь. Но для меня представляется, в связи с последними успехами и дискуссиями Коммунистической академии, академии материальной культуры уже устаревшим.

Материал Исторического музея и в доклассовом первобытном коммунистическом секторе, и феодализме нужно организовать стадийно, на принципе комплектности во избежание механистических ошибок. Кажется, этого не понимает, (хотя и соглашается) Смирнов» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 10).

Новгородский Софийский собор должен был служить цели атеизации населения. В нем находился антирелигиозный музей. С ним, по мнению Николая Порфиридова, дела обстояли очень сложно и трудно, «в особенности, при отсутствии одобренных и признанных образцов и сбивчивости инструктажа. (Опыт такого огромного, как Государственный ленинградский антирелигиозный музей, на который предлагалось ориентироваться районным музеям, как известно, в самое последнее время, однако, был признан неудачным)» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 10).

Многие новгородцы заходили туда не как в музей, а как в храм. У музейных работников это вызывало серьезные опасения. «В экспозиции

⁷ См. подробнее: Ковалев Б. Н. Иван Амозов: от советского функционера до священника-коллаборациониста // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 7 (90). С. 30–34.

антирелигиозного музея много опасностей, могущих на практике быть вредными. С одной стороны, сокращение выставляемого материала может отражаться на наглядности, с другой – обилие материала (церковные предметы), может быть связано с опасностью привести не к антирелигиозному, а религиозному мировоззрению.

Именно с такой точки зрения совет ЛГАМа (Ленинградского государственного антирелигиозного музея) забраковал в проектированной программе нашего Новгородского музея схему, целиком разработанную таким большим авторитетом в антирелигиозной работе, как Маторин⁸.

Из показаний Порфиридова видно, что, несмотря на арест, он уверен, что скоро ему позволят приступить к работе. В частности, Николай Григорьевич заявляет следователю о намерении в ближайшее время начать реконструкцию Краеведческого музея, куда предполагалось передать некоторые функции антирелигиозного музея: «Недостатком Новгородского музея, по моему мнению, является отсутствие отдела происхождения религии и религиозного мировоззрения, почему-то исключённого из программы Советом ЛГАМа, хотя он уже начат был построением. (Убеждённый в его необходимости, думаю эту тему развернуть во вводном отделе Краеведческого музея)» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 11).

Нежелание Василия Пономарёва заниматься антирелигиозными экспонатами в ущерб археологии также нашло отражение на страницах показаний Порфиридова: «Затем непостроенность отдела: церковь в феодальном Новгороде. Материал для этого у Пономарёва проработан, обсуждён, и виновата, по-моему, вялость его темпов. В первый год работы Пономарёва недостатком являлось в развёрнутых отделах, в частности, церковь в капиталистическом обществе и контрреволюционная роль церкви в эпоху социалистического строительства – слабость ведущего ленинского этикетажа (высказываний и определений). Теперь этот недостаток изжит, но не до конца» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 11).

Порфиридов рассказывает следователю то, что его (следователя) совершенно не интересует: об экспозициях, методике музейной работы, научном и просветительском аспекте. «Об организации художественного музея (картинной галереи) и новой экспозиции историко-революционного музея, их достоинств и недостатков говорить не могу, поскольку сам их организовывал и не мне их судить. Поработано над ними много, так как хотелось дать работникам образец метода и правильного с научной и политической сторон построения материала. По-

⁸ Маторин Николай Михайлович (1898–1936) – этнограф, религиовед. С 1933 г. директор Института антропологии и этнографии АН СССР. Активно сотрудничал с Союзом Воинствующих Безбожников. 11 октября 1936 г. расстрелян как «активный участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации». Реабилитирован в 1958 г.

вторяю, пусть судят другие, насколько это удалось» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 11).

Судя по восприятию новгородской интеллигенции того времени следователь Будякин явно не отличался особым интеллектом. Это видно и по материалам дела: в оформленных им бумагах значительное количество грамматических и орфографических ошибок. Маловероятно, что он мог полностью понять следующее: «Краеведческий музей в смысле отсутствия общепринятых программ, пожалуй, самое большое место в системе советского музейного строительства. Здесь очень большой разницей. В последние годы при напряжённых поисках марксистской мысли системы выдвигались и менялись одна за другой: трёхчастная, систематическая, комплексная, ландшафтная, стержневая. Все они после применения на опыте признавались целиком или частично неправильными.

В частности, отсутствие диалектичности, как, например, распространённый систематический уклон в географический материализм, или, бывший одно время принятым, ландшафтный и т. д.» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 11–12).

Из показаний Порфиридова чувствуется, что сотрудники новгородских музеев, в большинстве своем, были искренне увлечены своей работой. Они стремились выполнять порученные им задания на совесть.

«Сейчас теоретически, как лозунг, ясно, что краеведческие музеи должны строиться по принципу социально-экономических формаций. Но музея уже перестроенного так, на который можно было смотреть, как на образец, ещё нет, приходится искать различные пути.

Новгородский музей строится именно по этому принципу и соревнуется с Псковским музеем. Но об окончательных результатах говорить пока рано. Музей оставил прежнее своё построение по отделам: промышленность, сельское хозяйство многим очень нравившееся, но неправильное, не диалектичное, и строится по формациям. Закончено в основном социалистическое строительство как самая актуальная часть; подготовлен и развёртывается капитализм.

В производственном плане первого квартала стоит развёртывание феодализма и первобытного коммунистического общества. План сам правилен. Другим недостатком считаю недостаточное количество материала по изжитию пережитков (бытовых, религиозных), что становится сейчас основной политической задачей второй пятилетки.

Третье – необходимость скорейшей организации политических уголков, жизненная необходимость которых особенно важна для школ. И последнее. Шевяков с Дьяконовой не ясно представляют, как можно это дело организовать. По правде сказать, я и сам не вполне понимаю, как это сделать, хотя полученные установки – доделать до весны» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 12).

Одним из самых болезненных для музейных работников в это время являлся вопрос о сохранении культовых зданий как памятников

архитектуры. В новых условиях их предполагалось использовать для различных хозяйственных нужд. Любые слова и заявления в их защиту рассматривались властями как потакание религии и церковникам.

Из показаний Николая Порфиридова: «Вопрос о церквях. Сохранение их с какими-либо антисоветскими целями категорически отрицаю. Охрана памятников может показаться со стороны сомнительной только без учёта уникального характера Новгорода. Город – музей, где огромное количество церквей.

Имеются большие потребности, важные по значению как для просветительской, так и для научной работы. Недаром в этом отношении ставится неизменно на первое место наша активная связь с высшими органами: и комитетом ВЦИК, и сектором, и с государственной Академией истории материальной культуры. По хронологическому признаку, по древности, почти все новгородские памятники числятся на учёте Главнауки» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 12).

Если для городского руководства Новгорода одной из главных целей было превращение его в промышленный центр, то сотрудники музеев думали о его историко-архитектурном потенциале. По своей сути они опередили в этом свое время на несколько десятков лет.

«Сам музей на съездах боролся за то, чтобы подготовить общий принципиальный план особого положения Новгорода как города-музея. Он должен быть разработан с общегосударственной точки зрения, т. е., чтобы не охранять всю и всякую старину, какая у нас есть, а на основании общего учёта и планирования всего музейного фонда, аналогично тому, как, например, охраняются памятники природы.

Рассматривать в свете этого общие и индивидуальные особенности памятника не по признаку древности, а социально-экономической и художественной ценности. Отчасти этого удалось достигнуть. Подобная работа ведётся специальной комиссией уполномоченного Народного комиссариата просвещения вот уже несколько лет» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 13).

Следует напомнить, что организация, которая якобы была раскрыта в Новгороде, называлась «Российское студенческое христианское движение». Из четырех слов явно антисоветским являлось третье – «христианское». Следовательно, особый интерес со стороны органов вызывали отношения между музейными работниками и священнослужителями. Порфиридов, чувствуя это, высказывается в весьма агрессивном-атеистическом духе.

«Надо сказать, что сохранение памятников не связано с богослужениями в них как очагах культа, и большей частью идёт вразрез с ним. И для интересов музеев было бы предпочтительно иметь во всех этих древних церквях грехоотпускным отправлением культа, как правило, искажающие исторические памятники новыми вонючими наслоениями.

Не вижу надобности уменьшить роль музея в закрытии таких главных очагов культа и поповской пропаганды в городе, как главные соборы (Софийский и Входеоерусалимский).

В издаваемой массовой литературе, которой недостаточно, музей ставит своей задачей выяснять и подчёркивать классовое значение и контрреволюционную роль церквей, хотя бы в некоторых объектах, таких, как Софийский собор, Иван на Опоках и прочее. То же самое и с остальными церковными предметами. Общее число их кажется большим, но если опять учесть огромное единственное уникальное собрание древних предметов в Новгороде по сравнению с другими городами, а также с процентным соотношением ликвидированных церквей – всё это приобретает совершенно другое положение. Во всяком случае, в музеях похожих городов, как Киевский, Ярославский, Вологодский, мне приходилось видеть их гораздо больше. С другой стороны, если бы не дали общей ясной установки, что не надо показывать, мы бы, конечно, этого не делали. Музей бы безоговорочно выполнял все указанные директивы» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 13).

Порфиридов категорически отвергал обвинения в бесхозяйственности сотрудников музея, которая могла вести к пропаже некоторых вещей. «Предметы, поступающие в музеи, записываются и инвентаризируются, а наличие всего этого позволяет производить их быструю проверку.

Части разных менее ответственных категорий в связи с перебрской музеев из помещения в помещение (выселение, сверхсрочное свёртывание, а затем частичное развёртывание), а, главное, комплексной перестройкой и увеличением числа музеев, обусловили переноску отдельных предметов и коллекций из отдела в отдел (например, из Исторического в Художественный и Краеведческий и в Антирелигиозный и т. п.). Где они и находятся» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 13).

Работники музея были перегружены различными видами работ. В своих показаниях Порфиридов несколько раз подчеркивал это. Также он говорил о необходимости взаимодействия музея с различными государственными и общественными организациями.

«О работниках. Недостатком большинства их является значительное количество работы как не научных работников. Большое количество массовой работы. Конечно, научная работа очень важна, но нельзя провинциальный музей равнять как какой-то важный центральный музей. Там массовую работу проводят особые работники, а здесь этим заниматься должны одни и те же. Должны уметь и соединять то и другое.

У наших работников недостаточная гибкость в этом направлении. Постоянными формами массовой работы у них являются экскурсии и выставки, тогда как их ещё очень много по линии добровольных обществ. Таковыми являются, правда, наиболее близкими по существу работы, такие, как краеведение, Общество пролетарского туризма и экскурсий, Союз воинствующих безбожников.

Хотелось бы видеть активное участие и таких не мене важных, как “За овладение техникой”, “Автодор” (Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог), “Общество спасения на водах”, и тому подобные, а не случайное участие в компаниях» (АУФСБСПБЛО. № П-66878. Т. 5. Л. 14).

Николай Порфиридов пока не знал, что его допросы и допросы его коллег только начались...

Продолжение следует....

Литература и источники

Архив УФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБСПБЛО). Д. П-66878. Т. 1.

Архив УФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБСПБЛО). Д. П-66878. Т. 5.

Из тайников спецхранов / сост. М. Н. Петров. Л., 1991.

Пономарев В. С. Последний звон юрьевских колоколов // Для всех: иллюстрированный журнал. Рига. 1944. № 4.

Порфиридов Н. Г. Новгород. 1917–1941. Воспоминания. Л., 1997.

Сталин И. В. Год великого перелома: к XII годовщине Октября // Правда. 1929. 3 ноября.